

РАЗДЕЛ 5. ПОСЛЕ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»: НОВЫЕ НАЦИИ И НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ

УДК 94:314.174(476+438)"1921/1939"

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ И ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1921–1939 ГОДАХ

Швайко В. Г.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

В статье на основе широкой источниковой базы представлен анализ численности, правового положения, социальной структуры русского населения Польши и Западной Беларуси в 1921–1929 гг. Определены факторы, влияющие на существование двух категорий русского населения – национального меньшинства и представителей эмиграции, показаны их правовые и социальные отличия.

Ключевые слова: национальное меньшинство; русская эмиграция; беженцы; юридический статус; Западная Беларусь; социальный состав.

LEGAL STATUS, NUMBER AND SOCIAL COMPOSITION OF THE RUSSIAN POPULATION IN POLAND AND WESTERN BELARUS IN 1921–1939

Shvaiko V.

National Institute For Higher Education, Minsk, Belarus

Based on a wide range of sources, the article presents an analysis of the size, legal status, and social structure of the Russian population of Poland and Western Belarus in 1921–1929. The article identifies the factors influencing the existence of two categories of the Russian population – national minorities and representatives of the emigration, shows their legal and social differences.

Keywords: national minority; Russian emigration; refugees; legal status; Western Belarus; social composition.

Впервые русские (великороссы, россияне – как их называют различные источники) появились на территории Польши и Западной Беларуси примерно в XVI в. Позже по мере развития отношений с Московским княжеством великороссийский элемент постепенно проникал на терри-

торию восточных областей Речи Посполитой. Как указывает В. И. Пичета, первыми русскими переселенцами на эти земли были князья-феодалы, недовольные централизаторскими тенденциями в политике московских государей [1, с. 47]. Особенно значительным был наплыв беженцев в период Ливонской войны, когда террор Ивана Грозного заставил часть князей и бояр покинуть родные земли. Некоторая часть русских осталась на территории восточной Речи Посполитой после похода туда в 1667 г. войск Алексея Михайловича [1, с. 48]. В конце XVII в. в связи с церковной реформой в России и утверждением Никонианской церкви в восточные земли Речи Посполитой начали переселяться русские старообрядцы. Кроме того, сюда в XVI–XVIII вв. переселялись бежавшие от крепостничества русские крестьяне.

После разделов Речи Посполитой на присоединенных к Российской империи землях стало активно насаждаться русское землевладение: целый ряд польских и белорусских имений был конфискован и передан во владение русским помещикам. Во второй половине XIX в. сюда стали переселяться и русские чиновники. Проживали они в основном в крупных городах – Варшаве, Вильно, Бресте, Гродно и др. [2, с. 34]. Кроме того, большинство офицеров, которые служили в дислоцировавшихся российских воинских частях, были русскими по национальности. Как указывают В. И. Пичета, а также российский исследователь С. Ткачев, количество русских, проживавших в XIX – начале XX в. на присоединенных к Российской империи бывших землях Речи Посполитой, было не очень большим и составляло около 3–4 % (таблицы 1, 2). Но благодаря своему высокому социальному положению – чиновники, помещики, офицеры, православные священнослужители – русские жители в данный период имели достаточно большое влияние на западнобелорусских землях.

Таблица 1

**Национальный состав населения западных белорусских губерний
Российской империи по данным переписи 1897 г., в % [1, с. 48]**

Губерния	Белорусы, украинцы	Русские	Поляки	Евреи	Литовцы, латыши
Виленская	56	4,9	8,2	12,7	17,6
Гродненская	66	4,6	10,1	17,4	0,2
Минская	76	3,9	3,0	10	–

Таблица 2

**Соотношение численности национальных групп населения
Западной Беларуси в 1897 и 1921 гг., в % [3, с. 161]**

Национальная группа	1987 г.	1921 г.
Белорусы	63,7	77
Евреи	15,1	12
Поляки	8,3	6
Русские	4,4	2
Прочие	8,5	3

Первая мировая война и развал Российской империи повлекли за собой серьезные изменения в судьбе русских, проживавших на западнорусских и польских землях: они утратили статус титульной нации, многие из них оказались на правах беженцев.

В независимом польском государстве в 1920–1930-е гг. русские жители получили статус национального меньшинства либо статус эмигрантов. Некоторую часть русского национального меньшинства в Польше составляли старообрядцы, которые проживали компактными группами в двух регионах: в районе г. Вильно и г. Сувалки (Белостокское воеводство). Жили они в основном в деревнях, сохранив русский язык и церковную обрядность. И если в 1920-е гг. старообрядцы не допускали отождествления их с другими группами русского населения, то уже с начала 1930-х гг. вынуждены были пойти на сотрудничество с ними с целью защиты прав русскоязычных учебных заведений [4, с. 792].

Значительную часть русского национального меньшинства составляли лица православного вероисповедания. Среди них можно выделить русских «по происхождению» (великороссов) и так называемых «местных русских», т. е. белорусов или украинцев по происхождению, которые сами себя называли русскими (указывали эту национальность в документах). По замечанию белорусского исследователя В. Н. Черепицы, при подобном самоопределении большую роль играли этнокультурные и конфессиональные представления данной категории населения (они считали себя носителями русского языка, русской культуры, исповедовали православие) [5, с. 337].

Первой проблемой, с которой столкнулись русские жители в независимой Польше, стало получение ими гражданства. В соответствии с междуна-родным и польским законодательством польское граждан-

ство автоматически получили только те из них, кто до Первой мировой войны проживал на землях, впоследствии вошедших в состав нового польского государства. Это было продекларировано в Дополнительном протоколе к Версальскому договору от 28 июня 1919 г.: «...польская государственная принадлежность признается без соблюдения каких-либо формальностей в числе других и за лицами русской государственной принадлежности, которые в момент вступления Трактата в силу имели постоянное жительство на территориях, входящих в состав Польши, или которые будут в нее включены позже» [6, л. 47; 7, с. 1940]. 20 января 1920 г. в Польше был принят Закон о гражданстве Польской Республики, который подтверждал это положение: «Польское гражданство принадлежит каждому лицу, кто на основании международного договора признается польским гражданином <...>, а также тому, кто был внесен или имеет право быть внесенным в книги постоянного народонаселения бывшего Царства Польского» [8, с. 82–84].

Те русские жители Польши, которые переселились на западно-белорусские и польские территории из других российских губерний накануне или во время войны, а также прибыли в Польшу после советско-польской войны – русские репатрианты, могли получить польское гражданство по ходатайству. В соответствии с циркуляром МВД Польши № 72 от 6 июня 1924 г. им необходимо было выполнить ряд условий: проживать на польских землях в течение 10 лет; хорошо знать польский язык; доказать лояльность к польскому государству и вести безупречный образ жизни; иметь средства на содержание семьи [6, л. 47; 9, с. 909]. Собрать все необходимые документы было очень сложно, при этом не было гарантии, что польские власти решат вопрос положительно. Приведем обращение в МВД Польши настоятеля одного из православных храмов Полесского воеводства, русского по национальности, написанное им после многократных отказов в предоставлении польского гражданства: «Я всегда вел и веду безукоризненный образ жизни (к суду никогда не привлекался); на протяжении всей жизни (59 лет) проживал на землях, после 1921 г. вошедших в состав Второй Речи Посполитой; знаю польский язык в совершенстве. Я считаю, что воеводские власти не вправе отказывать мне в получении польского гражданства. Если я и все мои предки жили на землях, в нынешнее время входящих в Польшу, то я должен быть гражданином Польши. В противном случае возникает вопрос: гражданином какого государства я являюсь?» [10, л. 17].

Проблема приобретения польского гражданства для русских жителей оставалась острой на протяжении всего межвоенного периода. Например, в 1932 г. в Верхней Силезии из 150 проживавших здесь русских 75 % не имели польского гражданства. При этом большинство из них были уроженцами этого края, но так и не смогли получить положительные ответы на прошения о получении гражданства [11, л. 66 об.].

Права национальных меньшинств, проживавших в Польше, регулировались международным и польским законодательством. 28 июня 1919 г. в Версале была подписана Конвенция о правах национальных меньшинств. Ее двенадцать статей гарантировали представителям национальных меньшинств Польши свободу вероисповедания, свободу употребления родного языка в частных отношениях, в прессе и т. п., право избирать своих представителей в законодательные органы, свободу создания и содержания различных благотворительных, религиозных и общественных организаций, право учреждения и содержания национальных школ [12, с. 71–74]. Выполнение этих требований контролировалось Лигой Наций: они не могли отменяться или изменяться без ее согласия. Все указанные в Конвенции положения были закреплены в статьях польской Конституции 1921 г. и практически без изменений были перенесены в Конституцию 1935 г. В Конституции декларировалось, что «...польские граждане, которые принадлежат к национальным, религиозным или языковым меньшинствам, имеют равные права учреждения за свой собственный счет благотворительных, религиозных, общественных организаций, школ, свободного употребления там своего родного языка и религиозной обрядности; имеют право свободы вероисповедания» [13, с. 19]. Кроме того, права русского, белорусского и украинского населения Польши оговаривались в Рижском мирном договоре от 17 марта 1921 г., семь статей которого регламентировали языковые, религиозные и культурные права этих национальностей в Польше [13, с. 90].

Надо отметить, что русское национальное меньшинство в Польше юридически имело все вышеперечисленные права, но реализовать их в полной мере не могло. В результате определился ряд проблем:

1. В соответствии с законом о школах для национальных меньшинств 1924 г. в тех местностях, где национальные меньшинства составляли более 25 % от численности населения, создавались школы на родном языке, которые финансировались государством [14, с. 68]. В силу своей малочисленности и распыленности по всей стране русские не могли превысить

этот барьер, в результате чего их школы не получали государственного финансирования (исключение составляли начальные школы в г. Вильно для старообрядцев). В результате в Польше действовали главным образом частные русскоязычные школы.

2. Русский язык не был включен в перечень языков национальных меньшинств в Законе о языках 1924 г., а его употребление часто подвергалось преследованию. При этом русский язык использовался в школах на уроках Закона Божьего, в Православной церкви при чтении проповедей и ведении документации, а в восточных воеводствах – в административных учреждениях. Последнее обстоятельство особо заботило польские власти. В 1927 г. в обращении к Виленскому, Новогрудскому, Полесскому и Белостокскому воеводам министр внутренних дел Польши С. Складовский заявил, что «...употребление русского языка во время приема населения является недопустимым <...> с населением необходимо говорить в первую очередь на государственном языке, или на языке, указанном в Законе о языках от 31 декабря 1924 г.» [15, с. 46]. В 1930-е гг. русский язык стал вытесняться из употребления в Православной церкви. В итоге сохранение русского языка и придание ему надлежащего статуса стало главной заботой в деятельности русских организаций в Польше.

3. Русские жители Польши имели ограничения при приеме на работу на государственные должности, а выпускники русских школ не могли поступать в те учебные заведения, которые осуществляли подготовку чиновников. Кроме того, имелись случаи увольнения русских учителей из польских школ [16, с. 289].

В результате наличие подобных проблем сформировало цели и основные направления работы русских общественно-политических и культурно-просветительских организаций в Польше, задачей которых стала борьба за наиболее полную реализацию прав русского национального меньшинства.

Вторую группу русских жителей Польши составляли эмигранты. В силу своего географического положения Польша была одним из главных направлений русской эмиграции «первой волны». По данным российских исследователей, в 1919–1920 гг. через ее территорию прошло около 1 млн беженцев из России [17, с. 51]. Подавляющее большинство из них переселились в Западную и Юго-Восточную Европу или же вернулись в Россию, но многие остались, составив польскую часть русского зарубежья.

В польских и русских документах начала 1920-х гг. упоминаются две категории лиц, прибывших из России: гражданские беженцы и военнослужащие бывших русских армий. Последние до 1923–1924 гг. находились либо в фильтрационных лагерях в восточных воеводствах (Барановичи, Молодечно, Львов), либо в лагерях для интернированных солдат и офицеров на западе Польши (Тухоля, Стржалково, Калиш и др.) [18, л. 3, 19. л. 185].

До середины 1920-х гг. в Польше для удостоверения личности русских беженцев выдавались так называемые «карты азилия» и «карты побыта». «Карты азилия» предоставляли право политического убежища и выдавались интернированным и военнопленным, а также гражданским лицам, прибывшим в Польшу до подписания советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. Прибывшие после обозначенной даты могли получить политическое убежище, предоставив доказательства своей принадлежности к анти-большевистским партиям, службе в «белых» армиях или доказав, что в России они подвергались преследованиям по политическим мотивам [20, л. 8]. «Карты побыта» выдавались лицам, которые находились в Польше временно: тем, кто следовал через ее территорию транзитом и ожидал получения заграничных виз, либо тем, кто незаконно пересекал границу (их чаще всего ждала высылка обратно) [21, л. 102]. В 1927 г. Правление Русского попечительского комитета направило в МВД Польши Меморандум по вопросу о правовом положении русских эмигрантов, в котором потребовало установления единого документа для них. Лучшим вариантом был назван так называемый «нансеновский паспорт», который служил удостоверением личности владельца и подтверждал его статус лица без гражданства – апатрида. Этот документ был создан по инициативе Ф. Нансена в 1925 г. как временное удостоверение личности для выходцев из бывшей Российской империи, которое с 1926 г. выдавалось более чем в 30 государствах [22, с. 127]. В соответствии с Декларацией Лиги Наций, подписанной в 1928 г., страна, признавшая паспорт Нансена, принимала его владельца под свою защиту и должна была предоставить ему право на трудоустройство. С 1926 г. эти паспорта стали выдавать в Польше для выезда русских эмигрантов за границу, а с 1929 г. – для постоянного проживания в стране [23, л. 152].

Правовое положение русских эмигрантов в Польше было достаточно сложным. В соответствии с польским законодательством они не имели права заниматься политической деятельностью, кроме того,

существовал ряд ограничений в возможности выбора ими места жительства и профессии. В начале 1920-х гг. им запрещалось проживание в восточных воеводствах, поэтому многие из русских эмигрантов обосновались в Варшаве и западных воеводствах Польши [24, л. 103]. Многие эмигранты, имевшие высококвалифицированные специальности инженеров, юристов, учителей, врачей, не могли устроиться на работу, которая бы соответствовала их квалификации. Например, Закон о школах, принятый в 1924 г., разрешал работать учителями только польским гражданам. В итоге многие учителя русскоязычных школ, которые имели статус эмигрантов, вынуждены были трудиться лаборантами, библиотекарями и т. п. Ремеслом русские эмигранты могли заниматься только по специальному разрешению Министерства торговли и промышленности Польши, при этом каждый случай рассматривался отдельно [23, л. 7]. Но необходимо отметить, что открытой дискриминации со стороны польских властей по отношению к русским эмигрантам не наблюдалось. В соответствии с нормами международного права русские эмигранты в Польше находились под покровительством Комитета по делам российских и армянских беженцев под председательством Ф. Нансена, действовавшего при Лиге Наций. До 1 ноября 1934 г. в Польше работала Делегация этой организации, ее возглавлял Эдуард Галлати. В сферу деятельности организации входила правовая защита русских беженцев, содействие им при переезде на постоянное место жительства, оказание материальной помощи. После ликвидации этой организации заботу о русских эмигрантах взял на себя Польский Красный Крест.

И русское национальное меньшинство, и русская эмиграция в Польше были представлены практически всеми социальными слоями дореволюционной России: главным образом это были представители интеллигенции (бывшие царские чиновники, учителя, юристы), бывшие офицеры и солдаты царской армии, православные священники, а также немногочисленная группа крестьянства [25, л. 72].

Русское население Польши было немногочисленным и распыленным по всей стране. Нами была сделана попытка проанализировать его численность в разные периоды, представив различные категории русского населения (беженцы, репатрианты, местные жители и т. п.). При этом точно определить численность русского населения практически невозможно, так как имела место постоянная его динамика, особенно в период 1921–1924 гг. В ходе исследования удалось установить следующее:

1. В указанный период через территорию Польши прошло огромное количество русских беженцев: около 70–80 тыс. в 1920 г.; от 400 тыс. летом – до 200 тыс. осенью 1921 г.; около 80–85 тыс. в начале 1922 г.

2. В рамках репатриации в период с 1918 по 1924 г. в Польшу прибыло около 122 тыс. русских, в том числе только в 1922 г. 66 тыс.

3. В начале 1920-х гг. в Польше находилось большое количество русских военнопленных времен советско-польской войны. По данным польского исследователя В. Станиславского, в апреле-мае 1920 г. их было около 18 тыс., в ноябре 1920 г. – около 110 тыс. При этом 66 тыс. из них вернулись домой, около 20 тыс. умерли в плену, около 20 тыс. вступили в ряды добровольческих отрядов, воевавших на стороне Польши против Советской России (позже были интернированы) [26, с. 30]. По данным Русского попечительского комитета, в 1922 г. интернированных русских солдат и офицеров в Польше насчитывалось около 17 тыс. человек. Тот же комитет в 1926 г. указывает, что около 3 тыс. из них после объявленной амнистии вернулись в Советскую Россию, около 2–3 тыс. уехали на работы в Германию и Францию, около 10 тыс. остались проживать в Польше на правах русских эмигрантов.

4. Польская перепись 1921 г. зафиксировала 56,2 тыс. русских жителей Польши, при этом она не учитывала русских репатриантов, беженцев и военнопленных [14, с. 46]. В данном случае речь шла только о представителях русского национального меньшинства.

Начиная с 1924 г. можно говорить о более-менее стабильном количестве русского населения в Польше. К этому времени практически прекратился выезд русских беженцев за рубеж или возвращение их на родину, были закрыты лагеря для военнопленных и интернированных. Но небольшая динамика численности (особенно среди эмигрантов) все же сохранялась, так как имел место процесс высылки и добровольного отъезда русских за пределы Польши. Нам удалось собрать следующие данные о русских эмигрантах, проживавших в Польше в 1924–1939 гг.:

1. В 1926 г. (по подсчетам РПК) их было около 20–25 тыс.: около 10 тыс. политических эмигрантов, до 10 тыс. бывших военнослужащих, около 5 тыс. репатриантов, не получивших гражданство [27, л. 184–185]. В 1935 г. тот же комитет в своих отчетах называет цифру в 30 тыс. человек.

2. Польские исследователи Я. Замойский, Г. Халупчак, В. Станиславский называют количество русских эмигрантов в указанный период

в пределах 50–80 тыс. Примерно такие же данные – 80–85 тыс. человек – приводят и многие российские исследователи. При этом они ссылаются на данные отчетов Нансеновского комитета, а также на цифры так называемого «рапорта Симпсона».

3. Перепись 1931 г. определила численность русских жителей в 138,7 тыс. человек: сюда уже были включены и эмигранты, и представители русского национального меньшинства [28, с. 44].

При анализе географии расселения русских в Польше выделяются три центра: Варшава, восточные воеводства и несколько городов в западных воеводствах. Из них по численности и активности общественной жизни явно выделялась Варшава. В 1921 г. здесь проживало около 6–7 тыс. русских эмигрантов, а в 1931 г. – около 6000 (из них 3976 человек в городе, 2000 – в воеводстве). Высокая численность эмигрантов в Варшаве объясняется, во-первых, тем, что с начала 1920-х гг. здесь действовал ряд общественно-политических русских эмигрантских организаций; во-вторых, тем, что многие эмигранты, особенно из высших слоев общества, стремились жить именно в столице. Вторым центром расселения русских эмигрантов стали города и местечки, расположенные вблизи бывших лагерей для интернированных и репатриантов. Как указывает польский исследователь В. Станиславский, после ликвидации лагерей русские эмигранты появились в Александрове, Барановичах, Молодечно, Стржалкове, Щипирно, Тухоле, Вадовицах. Позже некоторые из них переехали в более крупные города: из Тухолы и Стржалкова – в Быдгош и Познань, из Вадовиц – в Краков, из Молодечно – в Вильно и Брест [26, с. 33].

Представители русского национального меньшинства проживали главным образом в восточных воеводствах Польского государства. Это было обусловлено тем, что данные территории долгое время находились под властью Российской империи и сюда еще в XIX – начале XX вв. активно переселялись русские чиновники, учителя, священники. По данным переписи 1931 г. большие группы русского населения проживали в Виленском (3,5 %), Белостокском (2 %), Полесском (1,4 %), Новогрудском (0,6 %), Волынском (1,1 %) воеводствах, при этом в остальных воеводствах численность русских не превышала 0,2 % [29, с. 78].

Русские проживали как в городах, так и в деревнях. По данным переписи 1931 г. наибольшее их количество было в следующих городах: Вильно – 7372 (3,8 %), Варшава – 3979 (0,3 %), Гродно – 3730 (7,5 %), Белосток – 3263 (3,6 %), Пинск – 2866 (9,0 %), Ровно – 2792 (6,9 %), Брест –

2575 (5,3 %), Луцк – 2284 (6,4 %), Ковель – 1954 (7,1 %), Барановичи – 1006 (4,4 %) [30, с. 268–270]. Если сравнивать данные двух переписей, то необходимо отметить, что за 10 лет количество русского городского населения возросло больше чем в два раза. Обращает на себя внимание и тот факт, что в Виленском и Белостокском воеводствах среди русского населения явно преобладают жители деревни – главным образом старообрядцы, которые традиционно селились в сельской местности.

Что касается западнобелорусских земель, то в Новогрудском воеводстве в 1931 г. проживало 6794 русских. Наибольшее их количество было в Барановичском (1997 или 1,2 %) и Слонимском (1011 или 0,8 %) поветах. В остальных поветах этого воеводства численность русского населения не превышала 900 человек. На современных белорусских территориях Белостокского воеводства проживало следующее количество русских: в Гродненском повете – 6,1 тыс. человек (2,9 %), в Волковысском – 2,8 тыс. (1,6 %). Наибольшее количество русских в белорусских поветах Виленского воеводства проживало в Браславском и Дисненском поветах (старообрядцы), а также в Поставском повете – 1,4 тыс. (1,4 %). В остальных белорусских поветах Виленского воеводства количество русских не превышало 900 человек [30, с. 116–117].

При определении численности русского населения Полесского воеводства нами отмечены разночтения. П. Эберхард указывает, что общее их количество здесь равнялось 24,3 тыс. человек. Архивные документы (отчеты Полесского воеводы) называют цифру в 16 346 человек. На наш взгляд, причиной этому явился языковой критерий определения национальности, который был главным во время переписи населения 1931 г. Многие местные жители, т. н. «тутэйшыя», назвали родным языком русский. Воеводские власти изъяли из списков жителей русской национальности такие группы, проживавшие в м. Давид-Городок, а также в некоторых деревнях Лунинецкого, Пинского и Столинского поветов, указав количество лишь так называемого «великорусского» населения. Но в отчеты в Варшаву статистика пошла без изменений. По этому поводу воевода указывал, что количество русских жителей возросло с 16 346 человек до 25 050, и составило не 1,4 %, а 2,2 %».

Таким образом, на основании вышеизложенного нами были сделаны следующие выводы.

В соответствии с международным и польским законодательством русские граждане Польши имели юридический статус национального меньшинства. При этом они находились в двойственном положении:

с одной стороны, международные и польские законы гарантировали им всевозможные права и свободы, с другой – местные власти препятствовали их реализации. Главными причинами сложившейся ситуации, на наш взгляд, стали антирусская направленность национальной политики Польши, особенно в ее восточных воеводствах, а также оставшиеся в наследие от Российской империи стереотипы негативного отношения поляков к русским. В дальнейшем эти обстоятельства способствовали направленности деятельности организаций русского национального меньшинства в Польше на сохранение русских культурных традиций.

Правовой статус русских эмигрантов в Польше соответствовал нормам международного права по проблемам беженцев. Польское государство соблюдало все законодательные акты, принятые международным сообществом по правам русских беженцев, в стране действовало представительство соответствующего Комитета Лиги Наций. Но при этом имел место ряд ограничений для русских эмигрантов в праве устройства на работу и передвижения по стране, существовала постоянная угроза высылки за пределы Польши. В соответствии с польскими законами русские эмигрантские организации не имели права заниматься политической деятельностью, что, в свою очередь, заставило их сосредоточиться на решении культурно-просветительских и благотворительных задач.

Грань между представителями русского национального меньшинства и русскими эмигрантами четко определялась польским законодательством, которое запрещало им взаимодействовать в рамках общественно-политических организаций. Но на бытовом уровне это разделение было условным. Во-первых, эти две группы с середины 1920-х гг. чаще всего компактно проживали в одних и тех же городах, их дети учились в одних и тех же школах, что способствовало их сближению в повседневной жизни. Во-вторых, многие беженцы со временем получали польское гражданство, вливаясь в группу «национального меньшинства», но не теряли при этом связи с русской эмиграцией. В-третьих, их объединяли общие проблемы, которые касались культурно-просветительской жизни. Таким образом, разделение русских жителей Польши на две группы является только юридической категорией.

При определении численности русского населения в Польше существует целый ряд проблем, которые не дают возможности установить их точное число: постоянная динамика количества русских беженцев-

эмигрантов; проблемы, связанные с самоидентификацией так называемых «местных русских»; различное понимание польскими и российскими исследователями категорий «эмигрант», «беженец», понятий «русский», «российский»; разные данные в статистике, представленной польскими государственными органами, международными организациями и русскими эмигрантскими организациями.

Список использованных источников

1. Пичета, В. И. Исторические судьбы Западной Белоруссии / В. И. Пичета // Западная Белоруссия: сб. ст. – Минск: Белорус. гос. издат., 1927. – С. 45–52.
2. Пичета, В. И. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии / В. И. Пичета. – М.: Моск. рабочий, 1939. – 40 с.
3. Ткачев, С. Российская эмиграция в межвоенной Польше / С. Ткачев // Emigracja rosyjska. Losy i idee. Pod redakcją naukową R. Backego i Z. Karpusa. – Łódź, 2002. – S. 195–245.
4. Sprawy narodowościowe. – Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1929. – № 5.
5. Черепица, В. Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней): в 2 ч. / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2005. – Ч. 2. – 440 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 6.
7. Traktat między Główniemi Mocarstwami sprzymierzonymi i stowarzyszonymi a Polską, podpisany w Wersalu 28 czerwca 1919 r. // Dziennik ustaw Rzeczypospolitej. – 1920. – № 110. – S. 1933–1946.
8. Ustawa z dnia 20 stycznia 1920 r. O obywatelstwie państwa Polskiego // Dziennik ustaw Rzeczypospolitej. – 1920. – № 7. – S. 82–84.
9. Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych o wykonaniu ustawy z dnia 20 stycznia 1920 r. // Dziennik ustaw Rzeczypospolitej. – 1920. – № 52. – S. 907–913.
10. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 2059. Оп. 2. Д. 279.
11. ГАБО. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 20.
12. Sworokowski, W. Międzynarodowe zobowiązania mniejszościowe Polski. Komentarz do art. 12-go Małego Wersalskiego Traktatu / W. Sworokowski. – Warszawa: IBSN, 1935. – 232 s.
13. Канстытуцыя Польскае Рэспублікі ад 17 сакавіка 1921 г. Закон 20 студзеня 1920 г. аб польскім грамадзянстве. Рыжскае пагадненне ад 18 сакавіка 1921 г. – Вільня: Друкарня С. Бэкера, 1924. – 60 с.
14. Mauersberg S. Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918–1939 / S. Mauersberg. – Wrocław: Ossolineum, 1968. – 230 s.

15. Sprawy narodowościowe. – Warszawa. Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1932. – № 6.

16. Sprawy narodowościowe. – Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1927. – № 2.

17. Соничева, Н. Е. На чужом берегу: к истории русской эмиграции в послеоктябрьский период / Н. Е. Соничева. – М.: Знание, 1991. – 64 с.

18. ГАБО. – Ф. 2001. Оп. 4. Д. 4714.

19. ГАРФ. – Ф. Р-5814. Оп. 2. Д. 14.

20. ГАРФ. – Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 35.

21. ГАРФ. – Ф. Р-5854. Оп. 1. Д. 2.

22. Серапионова, Е. П. Российские эмигранты в Чехословакии в межвоенные годы / Е. П. Серапионова // Вопросы истории. – 1997. – № 5. – С. 124–133.

23. ГАРФ. – Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 112.

24. ГАБО. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 2.

25. ГАБО. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 1670.

26. Stanisławski, W. Emigracja i mniejszość rosyjska w II Rzeczypospolitej: próba charakterystyki społeczności / W. Stanisławski // Sprawy narodowościowe. Sena nowa. – 1996. – Z. 2 (9). – S. 23–60.

27. ГАРФ. – Ф. Р-5814. Оп. 2. Д. 17.

28. Tomaszewski, J. Ojczyzna nie tylko polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa: MAN, 1985. – 224 s.

29. Sprawy narodowościowe. – Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1937. – № 4–5.

30. Krysiński, A. Struktura narodowościowa miast polskich // Sprawy narodowościowe / A. Krysiński. – 1937. – № 3. – S. 232–290.

31. Chojnowski, A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939 / A. Chojnowski. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej AN, 1979. – 262 s.

(Дата поступления: 14.05.2021).